

Нравственные императивы в праве

2015
№ 3

ISSN 2309-1614

Научный юридический журнал
(г. Москва)

«Impératifs moraux du Droit»
«Moral imperatives of Law»
«Imperativi morali del Diritto»
«Imperativos morales de Derecho»
«Imperativos morais do Direito»

Учредители:

И.В. Понкин,
РОО «Институт государственно-
конфессиональных отношений и права»

Ответственный за выпуск редактор

Понкин И.В., доктор юридических наук,
профессор.

Технический редактор выпуска

Сидорова С.Н.

Редакционный совет:

Богатырев А.Г., доктор юридических
наук, профессор;

Догадайло Е.Ю., доктор юридических
наук, доцент;

Еремян В.В., доктор юридических наук,
профессор;

Кузнецов М.Н., доктор юридических наук,
профессор, почетный работник высшего
профессионального образования;

Понкин И.В., доктор юридических наук,
профессор;

Соловьев А.А., доктор юридических наук;

Емелина Л.А., кандидат юридических
наук, доцент;

Кислова М.А., кандидат юридических наук.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нравственные императивы в праве» обязательна. Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции. Редакция присланные рукописи не возвращает, в переписку не вступает.

Контактный адрес электронной почты технической службы: i@lenta.ru

Контактный почтовый адрес технической службы –

(строго в следующем написании) «117525, Москва, а/я 49, Понкину И.В.»

либо: 249101, Калужская обл., г. Таруса, ул. Горького, 17–6.

Электронная версия журнала доступна по адресу: <http://moscou-ecole.ru>

Содержание номера

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Котова Е.С., Ширяева С.В. Политическая мысль П.Г. Виноградова	3
---	---

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Сербин Д.С. Правовые позиции Европейского суда по правам человека по вопросу о защите права на приватность	11
Аристов Е.В. Социальность государства в Индии	19

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

Цыбизова Н.А. Понятие пропажи людей в древних источниках права как прообраз института безвестного отсутствия	29
Борисевич А.Н. К вопросу о договорах, заключаемых при оказании образовательных услуг	40

РЕЦЕНЗИИ

Загмут Т.А. Нерождённый ребёнок: его человеческое достоинство и его права	45
--	----

**Котова Е.С., Ширяева С.В. Политическая мысль
П.Г. Виноградова¹**

Павел Гаврилович Виноградов русский западноевропеец, оставивший впечатление большой индивидуальности и внесший неоценимый вклад в продвижение юридических и исторических исследований в Западной Европе. Его исследования носили характер огромной основательности, в силу того что он умел смотреть на вещи со здравым смыслом и полнотой интеллектуальной честности. В нем было высокоразвито чувство научной ответственности и совершенно отсутствовало апокалиптическое красноречие и ложная торжественность, но вместе с тем все его научные изыскания были величинами.

Жизнь великого учёного, несмотря на его известность, и возможно даже прямо пропорционально его стремлению к правде, привлекает массового читателя к биографии. Особенно это имеет место, когда главные интересы учёного заключаются в области, далеко удаленной от высоких дорог популярного учения, и когда работа, на которой основана его репутация, может только быть точно оценена исследователями с совершенно особым видом исторической дисциплины. Верным будет и то утверждение, что П.Г. Виноградов был глубоким исследователем отдаленных предметов и что большая часть его работы будет непонятна неспециалистам в исторической науке, но все же есть аспекты его успеха и карьеры, которые делают

¹ **Котова Елена Сергеевна** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова.

Ширяева Светлана Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова.

Статья посвящена трудам Павла Гавриловича Виноградова, выдающегося англо-русского учёного-правоведа, величайшего авторитета в России и за её пределами в области феодального права Англии.

Ключевые слова: П.Г. Виноградов, медиэвист, либерализм, политические учения, Англия, Британский музей, Оксфордский университет, Кембридж, английское общее право, Генри Майн, история земельной собственности, английские средневековые документы, правовой анализ, либеральный догматизм.

Kotova E.S., Shiryayev S.V. Political thought of P.G. Vinogradov.

The article is devoted to the scientific work of Paul Gavrilovich Vinogradov prominent Anglo-Russian scholar and jurist, the greatest authority in Russia and abroad in the field of feudal law of England.

Keywords: P.G. Vinogradov, mediavist, liberalism, political doctrines, England, the British Museum, University of Oxford, Cambridge, English Common Law, Henry Mine, history of land ownership, English medieval documents, legal analysis, liberal dogmatism.

его захватывающей фигурой в интеллектуальной истории нашего века. Все великие учёные, в некотором смысле, вольно или невольно становятся гражданами мира, но Виноградов был законченным и прирожденным космополитом. Все языки давались ему легко. Он переместился в мир, читающий в иностранных архивах и библиотеках, разговаривающий с иностранными учёными, читая лекции иностранным студентам с безмятежным самообладанием человека, который находит в каждой стране знакомый дом. П.Г. Виноградов был одним из первых медиевистов, изучающих историю европейского Средневековья государства Англии. Будучи историком английских земельных древностей, он был великим сравнительным правоведом. Вместе с тем, в нём человек никогда не терялся в исследователе. Он был одним из небольшой группы либеральных мыслителей, которые пытались продвинуть в собственной стране те принципы популярного образования и заказанной свободы, которые являются отличительными от демократической цивилизации на Западе. Его чаяниям и надеждам не суждено было реализоваться: уравновешенным представлениям о политике противопоставлялась слепая спорящая ярость реакции и революции. Все идеалы его юности, все надежды были подавлены повстанческими волнами российской анархии. В течение нескольких лет он пережил триумф революционных движений и как опытный учёный, смотря на вещи трезво, понимал стихийность и трагедию общественной жизни.

П.Г. Виноградов родился в Костроме 18 ноября 1854, в год разразившейся Крымской войны. Его отец, Гаврила Киприанович, был выдающимся педагогом, основателем и директором пяти общественных Женских школ. Его мать, Елена Павловна, была дочерью генерала П.Д. Кобелева, который сражался во время войны 1812 года, и так как её отец и братья были солдатами, именно она, будучи женщиной сильного характера и интеллекта, предугадала необычный талант мальчика, и выступила за университетскую карьеру. Превосходный диплом по окончании школы разрешил все сомнения, обеспечив ему допуск в университет Москвы в возрасте шестнадцати лет.

Атмосфера университета была пронизана духом прогрессивной культуры, привнесенной вдохновителем создания Московского университета М.В. Ломоносовым, который осознав свое собственное невежество и такое же у своих соотечественников, полный решимости исправить оба, поехал в Берлин, ближайший

алтарь прогрессивной культуры. Возвратившись домой Ломоносов-миссионер начал преподавать физику, химию и металлургию и открыл в Москве окно в мысль Запада. Дух учителя спустился на его учеников, и Университет Москвы, несмотря на многие испытания, обеспечил благоприятный климат рационального и свободного исследования, который контрастировал по отношению к образованию, продолжавшемуся в конторских школах и колледжах, и к политическим репрессиям абсолютистского правительства.

В такой среде было естественным, что способный молодой российский студент семидесятых должен выразить либерализм и искать свое политическое вдохновение в Западной Европе. Катастрофические последствия Крымской войны показали дефекты старого царского режима и выпустили поток подающей надежды энергии для преобразования страны. Как молодой человек, Виноградов чувствовал импульс великолепного поколения «шестидесятых», которые освободили крепостных крестьян, создали местное самоуправление, упорядочили суды, приняли участие в рождении независимой прессы и воссоздании университетов как самоуправляющихся организмов. И импульс к этой политике социального улучшения прибыл от западников. Славянофилы, эта интересная и романтическая школа мыслителей, совет которых России состоял в том, что она должна повернуться спиной к Западному миру и искать спасение в ресурсах одной только российской природы, принес мало практического вклада в движение освобождения. Виноградов понимал, что именно западники разработали первые планы по освобождению крестьян и распределению земель. Именно поэтому среди либеральных стран Запада Англия особенно привлекла его внимание. Он восхищался её успешной комбинацией режима со свободой, её эмансипацией от тиранического каприза и уникальной властью закона, счастливым продуктом векового благотворного органического развития.

Он никогда не сомневался ни на мгновение, что туда, куда вели западные страны, Россия в должный срок последует. Работа реформаторов шестидесятых направила её правильным путем. Верно, что убедительность намеренной неточности и противодействие были всё ещё влиятельны, что марш реформы был затруднен на тысячу пунктов, что были периоды, во время которых призыв к большей свободе и большей справедливости был встречен чистым отрицанием, и когда не было не только никакого прогресса, но и положительного регресса. Но и он считал, что основа, которая была

заложена реформаторами шестидесятых, была полностью состоятельна и что сильная и устойчивая система взглядов вырастет как её следствие. Рано или поздно Россия прогрессировала бы от произвольных методов до власти закона. Рано или поздно она занялась бы искусствами парламентского правительства и обеспечила бы средства обеспечения гражданских свобод её людей. В распространении начального образования через массы, в улучшенной системе средних школ, в полной академической свободе и в распространении местного самоуправления он предугадал необходимые постулаты российской регенерации.

Свержение монархии или одобрение дезинтеграции Российской империи посредством революции или жизненным путем не было частью его политической философии. Как историк он придерживался мнения, что России была нужна сильная центральная власть и что её имперская миссия среди пограничных народностей принесла им более высокий уровень цивилизации и благосостояния, чем они смогли бы достичь сами. То, чего он желал для России, было конституционной монархией. Как патриотический русский он не поверил бы, что любая менее процветающая судьба ожидала его людей.

Дух перемен, казалось, перемещался вместе с ним. Английские университетские деятели испытывали затруднения в понимании, каким образом новинки западной доктрины и практики произвели волнения у толпы российских студентов, многие из которых были ожесточены и голодны. Наиболее тщательно эти движения подвергались историческим исследованиям, поскольку аналогичные события происходили в университетах Индии, как захватывающая причина новых и тревожащих форм политического идеализма. Университетские лекции учёного Т.Н. Грановского произвели особое впечатление, открыв Виноградову перспективу благородной, незаинтересованной и свободной мысли. В такой атмосфере либерализм Виноградова вырос и процветал, получая пищу от его исторических исследований и наблюдений и давая в ответ им возвышение и практическое направление то, которое принадлежит всему великому – моральные причины.

В 1883 году исторические поиски впервые привели Виноградова в Англию, страну, которая из-за её защищенности от вторжения и серьёзного внутреннего беспорядка сохранила богатство средневековых юридических документов, не имеющих аналогов по своей занимательности и их неповрежденной полноте и целостности.

Его целью стал сбор материалов для докторской диссертации по земельным древностям острова. Виноградов, как обычно, обратился к первоисточникам и провел приблизительно пятнадцать месяцев, работая в Государственном архиве, Британском музее и библиотеках Оксфорда, Кембриджа.

Исследование истории, не только в её политическом, но также и в правовом и структурном аспектах привело Виноградова к звёздному часу передового опыта в Великобритании. В год первого его погружения в английские анналы он был отмечен появлением «Истории Уголовного права Англии» Ж.Ф. Стефена и «Сельской общины» Ф. Сибоба, «Священной Римской империи» Б.Д. Брюса в 1864 году и «Древнего Закона» Г.Д. Мэна в 1862 году. Схемы первобытной культуры были исследованы Д. Лаббокком, М.К. Тайлером в 1865. Но хотя на тот момент было уже сделано достаточно новых открытий в этих и других областях исторического исследования, в тоже время сокровища архива были малоизвестны, и развитие английского Общего права всё ещё оставалось не прослеженным.

Знакомство с работами Генри Мэйна поразило Виноградова умением вложить в сухие и абстрактные юридические формулы конкретный, живой смысл и поставить их в связь с бытом общества, нарисовав живые картины последнего и уяснив соотношение творческих факторов его развития, которыми он старался показать преемственную связь старых понятий с новыми, переживание последних идей более отдаленного прошлого. Характерной особенностью работ Мэйна является последовательность применения метода исследования: никогда не исходить от каких-либо предвзятых теорий и никогда не стремиться провести какую-либо политическую или общественную тенденцию. Виноградов считал, что знакомство с сочинениями Мэйна должно лежать в основе всякого серьёзного юридического образования; они лучше всего могут вывести юриста на дорогу правильного историко-философского изучения права, сообщить ему реальное понимание правовых явлений и предохранить от ошибок схоластической догматики немецких романистов.

Насколько богатыми были эти сокровища и как ценны для историка, Виноградов должен был теперь показать. В 1884 издал письмо, привлекающее внимание к себе рукописи в Британском музее, которое содержало тщательную и обширную коллекцию судебной практики в течение первых двадцати четырех лет

господства Генриха III. Коллекция была ценной, но дополнительным значением и исключительной важностью этого факта, было то, что составлялось оно для использования Анри де Браттоном, самым известным английским судьёй того периода. Это было эпохальное открытие и вело к выпуску записных книжек де Браттона, которые по настоящее время занимают место шедевра исторических научных знаний.

П.Г. Виноградов обладал талантом выстраивать отношения с учёным миром и заводил множество знакомств и дружбы с его известными представителями. Так, во время первого посещения Англии он познакомился с великим библиотекарем Генри Брэдшоу, который стал его гидом во всех путешествиях через европейские библиотеки и архивы. Другим значительным его приобретением было знакомство с Ф.В. Мэйтлендом, молодым адвокатом, обладающим эфирной деликатностью, ловким остроумием и экстраординарным ясновидением, с которым он мог затронуть любую тему. Ещё одним английским его другом, приобретенным в этот период и впоследствии пользовавшимся большим уважением, был Ф. Сибом, социальный историк. Виноградов не принимал все взгляды Ф. Сибома, но признавал в нём блестящего и оригинального следователя, который оказал экстраординарную услугу английской исторической науке в объяснении, как земля крылась черепицей во время Средневековья. Эти два учёных учились друг у друга. То, чем исключительно обладал Ф. Сибом, обнаруживало гения, тогда как сильная сторона российского учёного была разумной интерпретацией и координацией доказательств. И ещё множество интересных знакомств, которые помогали учёному глубже понимать тексты средневековых английских документов. Объем и результаты работы, которую проделал Виноградов, в английских библиотеках и архивах во время краткого посещения, был удивителен.

Это первое посещение Англии дало тридцатилетнему П.Г. Виноградову репутацию признанного европейской учёного. По его возвращении в Москву он был сразу назначен экстраординарным профессором в университете, и через три года его публикация монографии его докторской диссертации, подняла его до разряда профессора истории.

Монография была книгой, которая была впоследствии выпущена на английском языке под заголовком «*Villeinage в Англии*». В предисловии к указанной монографии П.Г. Виноградов объясняет читателям причины своего научного интереса к исследованию

английской социальной истории. Он считал, что все живущие в среде, созданной социальной революцией крестьянской эмансипации помнят периоды крепостничества и перехода от него к жизни XIX века, данное обстоятельство и стимулирует к исследованию средневековых правовых актов на Западе Европы, которые являются всё ещё темами современного интереса.

Для политиков и мыслителей, которые были вынуждены интересоваться фактической жизнью деревенского сообщества на Востоке, картина ранних стадий аграрного развития на Западе была полна интереса – и где в таком изобилии могли быть найдены материалы для исследования, если не в Англии? В своей книге он показывал, что за спиной феодальных времен юридические и финансовые документы открывают исследователям не только общие схемы, но и детали в истории земельной собственности более бедных классов. Он считал, что мир и российская деревенская община в определённой мере «пролили свет» на экономику английского поместья, и с другой стороны – английское поместье «осветило мир». Непосредственное знакомство П.Г. Виноградова с российским аграрным общим хозяйством в действии позволило ему видеть много вещей в английских средневековых документах, которые оставались неясными для английских исследователей, которые были теоретиками коммунальной деревенской жизни.

П.Г. Виноградов не ограничивался только преподавательской и исследовательской деятельностью. Он сделал университет одним из его основных объектов влияния на общее образование его России. Он думал, что многое будет зависеть от исторических учебников, используемых в средних школах, в которых присутствовала бы точность, без несправедливой политической необъективности, что стало бы смыслом государственной деятельности, и русский народ получал бы знания мудрого осуществления политической власти. Вопрос, по его мнению, был так важен, что, находя российское правительство готовым поощрить обучение истории людей, он отложил в сторону свои личные исследования на три года, чтобы написать «Руководство универсальной истории для использования в школах». Его Руководство (в 3 частях) было принято во всех российских средних школах и преподавателями истории в других странах. Свою общественную деятельность он продолжил в

Московской муниципальной Думе и стал председателем её комитета по образованию².

Формирование политической мысли Средневековья западных стран в творческих поисках П.Г. Виноградова на первом этапе завершилось прекрасным воплощением: «Руководство универсальной истории для использования в школах». Полагаем, что обращение к этому источнику откроет для современников дверь к пониманию в широком смысле немалою числа происшедших политических ошибок и просчетов.

* * * * *

² Paul Vinogradoff: A Memoir. By the Rt. Hon. H. A. L. Fisher. – Oxford: Clarendon Press, 1927. – 74 p.

Сербин Д.С. Правовые позиции Европейского суда по правам человека по вопросу о защите права на приватность³

При изучении практики Европейского суда по правам человека по вопросу о защите права на приватность, стоит указать, что данное право гарантируется, главным образом, статьей 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая при этом, как отмечает данный орган в своих решениях, имеет достаточно широкое значение и содержит гарантии целого ряда прав человека.

Прежде всего, рассмотрим **Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 31 октября 2014 года по делу «Егер против Эстонии»⁴**. Заявитель по данному делу утверждал, что проведенный униженным образом в отношении него в Тартуской тюрьме личный досмотр нарушил его приватность. Так, в момент нарушения его приватности заявитель отбывал наказание в указанном учреждении, и после очередной прогулки сотрудники службы охраны, заподозрив, что указанное лицо может скрывать в своем нижнем белье табачные изделия, потребовали от него оголиться и совершить определенные движения. Как указывал заявитель, произошедшее свободно могли увидеть другие заключенные, а также сотрудники данного исправительного учреждения. Тюремная администрация отклонила жалобу заявителя на действия сотрудников службы охраны, как и административный суд, который установил, что приватность заявителя не была

³ **Сербин Дмитрий Сергеевич** – помощник судьи Девятого арбитражного апелляционного суда.

Статья посвящена исследованию конституционного права на приватность. Показаны правовые позиции Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: право на приватность, конституционные права и свободы, конституционное право, тайна, достоинство личности.

Serbin D.S. Legal position of the European Court of Human Rights on the issue of constitutional right to privacy.

The article investigates the constitutional right to privacy. Showing the legal position of the European Court of Human Rights.

Keywords: right to privacy, constitutional rights and liberties, constitutional law, secret, personal dignity.

⁴ Application «Jaeger v. Estonia» № 1574/13 / Final Judgment of The European Court of Human Rights of 31.10.2014 [Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 31 октября 2014 года по делу «Егер против Эстонии»] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-145787>>.

нарушена. Другие эстонские судебные органы, рассматривавшие данное дело, согласились с данной позицией также.

Заявитель утверждал, что в отношении него были нарушены статьи 3 (право не подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию) и 8 (закрепляющая, по сути, право на приватность) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский суд по правам человека пришел к выводу о том, что в данном случае право заявителя на приватность действительно было нарушено именно по той причине, что досмотр проводился не в полностью закрытом от посторонних помещении.

Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 25 декабря 2001 года по делу «П.Г. и Дж.Х. против Соединенного Королевства»⁵

Заявители по данному делу жаловались, в том числе, на то, что в отношении них использовались скрытые подслушивающие устройства для прослушивания их разговоров в квартире, а также тогда, когда они были доставлены в полицейский участок, утверждая, что их право на приватность, закрепленное в статье 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, было нарушено. Подслушивающие устройства были установлены полицией с целью предотвращения предполагаемого совершения преступления заявителями. Использование таких устройств регулировалось соответствующим постановлением Министерства внутренних дел Великобритании, однако санкционирование их использования в данном случае было осуществлено с нарушением правил (соответствующее должностное лицо находилось в отпуске, поэтому предоставило разрешение по телефону). Прослушивание и запись телефонных разговоров заявителей в полицейском участке были организованы с целью сравнения образцов голосов заявителей с полученными ранее образцами для окончательной идентификации заявителей.

При рассмотрении данного дела Европейский суд по правам человека указал, что для определения того, имело ли в данном случае место фактическое вторжение в приватность, необходимо исследовать, была ли нарушена приватность лица мерами, примененными к нему. По мнению Европейского суда по правам

⁵ Application «P.G. and J.H. v. The United Kingdom» № 44787/98 / Final Judgment of The European Court of Human Rights of 25.12.2001 [Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 25 декабря 2001 года по делу «П.Г. и Дж.Х. против Соединенного Королевства»] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-59665>>.

человека, поскольку бывают ситуации, когда индивиды намеренно или сознательно вовлекают себя в деятельность, в которой они могут быть записаны с использованием технических средств или о них может быть публично рассказано, разумные ожидания лицом определённой приватности могут быть значительным, хотя и не обязательно решающим фактором. Так, к примеру, человек, который идет по улице, неизбежно будет виден и другим членам общества, там присутствующим.

Европейский суд по правам человека пришел к выводу о том, что в данном случае полицией, записывавшей телефонные разговоры заявителей в полицейском участке, было совершено вмешательство в приватность указанных лиц, несмотря даже на то, что записи использовались не с целью прослушивания содержания разговоров, а для сравнения образцов голосов.

Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 28 апреля 2003 года по делу «Пек против Соединенного Королевства»⁶

Заявитель по данному делу жаловался на опубликование в средствах массовой информации видеозаписи с замкнутой телевизионной системы, в результате чего его изображения широко транслированы, что привело, по его мнению, к нарушению его права на приватность по смыслу статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Заявитель страдал от депрессии ввиду личных и семейных обстоятельств его жизни и намеревался покончить жизнь самоубийством, перерезав себе вены на улице поздно ночью. Уличные камеры видеонаблюдения, о наличии которых заявитель не был в курсе, зафиксировали момент, когда он остановился с ножом в руке перед перекрестком. Оператором была уведомена полиция, и заявителю была оказана медицинская помощь, однако через некоторое время изображения заявителя были опубликованы в средствах массовой информации для иллюстрации использования систем видеонаблюдения для предотвращения полицией потенциально опасных ситуаций, лицо заявителя при этом скрыто не было. Далее эти же изображения использовались различными средствами массовой информации с разными описаниями, в частности для иллюстрации статей о борьбе с преступностью.

⁶ Application «Peck v. The United Kingdom» № 44647/98 / Final Judgment of The European Court of Human Rights of 28.04.2003 [Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 28 апреля 2003 года по делу «Пек против Соединенного Королевства»] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-60898>>.

Национальные органы судебной власти пришли к выводу о том, что такое опубликование изображения заявителя не нарушало положений национального законодательства.

Европейский суд по правам человека указал в своем решении по данному делу, что контроль за действиями индивида в общественном месте с помощью фотографического оборудования, не записывающего видеoinформацию, как таковой, не приводит к вмешательству в частную жизнь индивида. С другой стороны, как указал данный судебный орган, именно запись такой информации и её хранение могут привести к указанным последствиям.

По мнению Европейского суда по правам человека, действия органов публичной власти, заключавшиеся в опубликовании вышеуказанных изображений, представили собой достаточно серьезное вмешательство в право заявителя на его частную жизнь, так как внимание со стороны общественности к нему намного превысило внимание, которое могло бы быть к любому другому случайному прохожему, находящемуся в таком общественном месте.

Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 2 декабря 2010 года по делу «Уцун против Германии»⁷

Заявитель утверждал, что его право на приватность, предусмотренное статьей 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, было нарушено в связи с тем, что он подвергся наблюдению с помощью GPS, а также с тем, что полученные таким образом данные были использованы против него в уголовном судопроизводстве. Заявитель подозревался в участии в совершении ряда преступлений одной экстремистской организацией, ввиду чего над ним периодически осуществлялось визуальное видеонаблюдение с помощью видеокамер, снимавших входы в его квартиры. В дальнейшем в его автомобиле и автомобиле его сообщника были установлены передатчики, которые были обнаружены и уничтожены заявителем, в связи с чем в автомобиле сообщника заявителя был установлен уже GPS-передатчик с целью отслеживания его перемещений. Такое наблюдение осуществлялось до момента ареста заявителя и его сообщника.

Европейский суд по правам человека указал, что систематический сбор и хранение службами безопасности данных

⁷ Application « Uzun v. Germany» № 35623/05 / Final Judgment of The European Court of Human Rights of 02.12.2010 [Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 2 декабря 2010 года по делу «Уцун против Германии»] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-100293>>.

конкретных лиц, даже без использования методов скрытого наблюдения, представляет собой вмешательство в частную жизнь таких лиц. Кроме того, данный суд счел, что, несмотря на то, что датчик был встроен не в автомобиль непосредственно заявителя, а третьего лица, это было осуществлено для реализации контроля именно за заявителем.

Однако, вынося свое решение по данному делу, Европейский суд по правам человека пришел к выводу о том, что именно в данном случае такое вмешательство в приватность со стороны национальных органов публичной власти являлось вполне законным и оправданным.

Постановление Европейского суда по правам человека от 6 сентября 1978 года по делу «Класс и другие против Германии»⁸

Заявители по данному делу утверждали, что некоторые положения национального законодательства, ограничивающие тайну переписки и некоторых иных видов коммуникации, противоречат Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Заявители не оспаривали право государства прибегать к мерам наблюдения, предусмотренным законодательством, однако они оспаривали легитимность положений законодательства, позволяющих применять такие меры и не предусматривающих при этом обязанности соответствующих органов публичной власти уведомлять об этом лиц, в отношении которых планируется такие меры применять, а также исключаящих любую возможность оспорить применение таких мер в судебном порядке.

Как указал в своем решении Конституционный суд Германии, в который обратились ранее заявители, для того, чтобы подать конституционную жалобу, заявитель должен обосновать, что сам нормативно-правовой акт, конституционность которого оспаривается, а не просто меры, принятые в его исполнение, нарушил одно из основных его прав, а в данном случае это условие не было выполнено.

В своем решении по данному делу Европейский суд по правам человека указал, что существование национального законодательства, позволяющего осуществлять тайный контроль со стороны уполномоченных органов публичной власти над почтой, электронной почтой и телекоммуникациями, является

⁸ Application «Klass and others v. Germany» № 5029/71 / Judgment of The European Court of Human Rights of 6 September 1978 [Постановление Европейского суда по правам человека от 6 сентября 1978 года по делу «Класс и другие против Германии»] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57510>>.

необходимостью в демократическом обществе для удовлетворения интересов национальной безопасности или для предотвращения совершения правонарушений.

Что касается условий реализации такого контроля, то, по мнению данного суда, в данном случае государство пользуется определённой внутренней свободой усмотрения, что не означает, тем не менее, того, что государство пользуется неограниченной свободой подвергать лиц, находящихся под его юрисдикцией, тайному наблюдению. Европейский суд по правам человека также указал, что, сознавая опасность такого законодательства, которое может подрывать или даже уничтожать демократию, подтверждает, что государство не вправе принимать любые необходимые, по его мнению, меры во имя борьбы с терроризмом и шпионажем.

В данном случае Европейский суд по правам человека не усмотрел нарушения права на приватность.

Постановление Европейского суда по правам человека от 4 мая 2000 года по делу «Ротару против Румынии»⁹

Заявитель по данному делу утверждал, что было нарушено его право на приватность в связи с хранением и использованием румынскими службами разведки файлов, содержавших его личную информацию.

При рассмотрении данного дела Европейский суд по правам человека указал, что хранение информации, касающейся частной жизни лица, органами публичной власти, а также использование такой информации, подпадают под действие статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, содержащей гарантии права индивида на приватность. При этом уважение права лица на частную жизнь должно подразумевать определённую степень уважения права на то, чтобы устанавливать и развивать отношения с другими индивидами, и нет никаких причин для оправдания исключения из понятия «частной жизни» профессиональной или деловой деятельности соответствующего индивида.

Суд также указал, что доступная общественности информация также может защищаться правом лица на приватность в случаях, когда она систематически собирается и хранится органами публичной власти, в особенности в ситуациях, когда такая информация касается далекого прошлого лица.

⁹ Application «Rotaru v. Romania» № 28341/95 / Judgment of The European Court of Human Rights of 4 May 2000 [Постановление Европейского суда по правам человека от 4 мая 2000 года по делу «Ротару против Румынии»] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58586>>.

По мнению Европейского суда по правам человека, в данном случае имело место нарушение права лица на приватность.

Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 15 сентября 2011 года по делу «Мосли против Соединенного Королевства»¹⁰

Заявитель по данному делу утверждал, что Соединенным Королевством были нарушены позитивные обязательства в соответствии со статьей 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по обеспечению его права на приватность.

В 2008 году печатное средство массовой информации опубликовало статью, содержащую изображения заявителя из видеозаписи, тайно сделанной одним из участников сексуальной оргии, в которой участвовал заявитель, а также материал об указанном мероприятии, описывавший его как «нацистскую ролевою игру». Кроме того, часть этой видеозаписи и изображения были опубликованы на сайте данного средства массовой информации в сети Интернет. Заявитель обратился в редакцию данного издания с жалобой, после чего указанные материалы были удалены с сайта. Далее заявителем было инициировано судебное разбирательство, причем заявитель не отрицал, что сексуальные действия имели место, он оспаривал именно вышеуказанную характеристику таких действий.

Суд, в который обратился заявитель, отказался вынести судебный запрет на эти материалы, потому что пришел к выводу о том, что они уже перестали носить личный характер ввиду того, что они были широко распространены в средствах массовой информации и в сети Интернет.

Несмотря на то, что в итоге заявителю была выплачена компенсация, его иск был удовлетворен, а национальный суд вынес решение о том, что в действиях заявителя не было никакого нацистского подтекста, подвергнув редакторов средства массовой информации серьезной критике, он считал, что его право на приватность было существенно нарушено.

Европейский суд по правам человека напомнил, что обеспечение государством защиты права индивидов на приватность не только предполагает, что государство должно воздерживаться от

¹⁰ Application «Mosley v. The United Kingdom» № 48009/08 / Final Judgment of The European Court of Human Rights of 15.09.2011 [Окончательное постановление Европейского суда по правам человека от 15 сентября 2011 года по делу «Мосли против Соединенного Королевства»] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-104712>>.

нарушения таких прав, но и влечет за собой определённые позитивные обязательства государства по обеспечению эффективного осуществления этого права теми, кто находится под его юрисдикцией.

Однако в данном случае Европейский суд по правам человека не усмотрел нарушения права заявителя на приватность.

Постановление Европейского суда по правам человека от 4 декабря 2008 года по делу «С. и Марпер против Соединенного Королевства»¹¹

Заявители по данному делу жаловались на то, что, по их мнению, хранение их отпечатков пальцев и образцов клеток и ДНК органами публичной власти после того, как заведенное против них уголовное дело было прекращено, нарушает, в том числе их право на приватность, предусмотренное статьей 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский суд по правам человека в решении по этому делу отметил, что понятие частной жизни включает в себя в том числе и физическую и психологическую неприкосновенность человека, а также ряд аспектов его физической и социальной идентичности.

Европейский суд по правам человека указал, что все вышеуказанные категории информации, а именно – отпечатки пальцев, образцы клеток и образцы ДНК, – представляют собой личные данные, соответственно, систематическое хранение таких материалов органами публичной власти представляет собой вмешательство в приватность индивидов.

Согласно нашему толковательному подходу, **конституционное право на приватность** представляет собой естественное и подлежащее признанию государством сложносоставное (композиционное) и сложнопроизводное правопритязание на ограждение жизни, круга и процесса общения и коммуникаций от публичности (открытости неограниченному кругу лиц, транспарентности) и от произвольных внимания и вмешательств со стороны государства и третьих лиц.

* * * * *

¹¹ Applications «S. and Marper v. The United Kingdom» №№ 30562/04 and 30566/04) / Judgment of The European Court of Human Rights of 4 December 2008 [Постановление Европейского суда по правам человека от 4 декабря 2008 года по делу «С. и Марпер против Соединенного Королевства»] // <<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-90051>>.

Аристов Е.В. Социальность государства в Индии ¹²

После 1947 года, когда Индия получила независимость, была принята новая конституция для обеспечения справедливости – социальной, экономической и политической. Для достижения этих целей необходимо было обеспечение благополучия населения, и концепция права была полностью изменена с целью реализации функционального подхода. В рамках такого подхода для обеспечения реализации концепции социального государства на практике, законодательство должно функционировать в качестве динамичного механизма, затрагивающего интересы общества и всего человечества в целом¹³.

Социальный строй и социальная политика, проводимая в настоящее время в Индии, должны рассматриваться в контексте общей ориентации и изменений в государственной политике данного государства именно с указанного периода¹⁴.

Как социальное государство Индия стремится к обеспечению благосостояния своего населения и его развития, в особенности – благосостояния и развития наиболее уязвимых категорий населения, таких как некоторые касты, меньшинства и лица с ограниченной трудоспособностью. В процентном соотношении такое население составляет весьма немалую часть от общего его количества¹⁵.

Обратимся к предпосылкам развития государства благосостояния в Индии.

¹² **Аристов Евгений Вячеславович** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета.

Статья посвящена исследованию особенностей реализованной в Индии модели социального государства.

Ключевые слова: социальное государство, социальность государства, конституционное право, основа конституционного строя, конституционно-правовой принцип социального государства.

Aristov E.V. Welfaring of the State in India.

The article investigates the features of model of the welfare state implemented in India.

Keywords: Welfare State, welfaring of the State, Constitutional Law, basis of the constitutional system, constitutional-legal principle of the Welfare State.

¹³ *Sinai Bhangui S.* Concept of welfare state under Indian Constitution // <<http://www.grkarelawlibrary.yolasite.com/resources/FM-Jul14-LSC-Sankalp.pdf>>. – 26 p. – P. 3–4.

¹⁴ *Palriwala R., Neetha N.* India: research report 3. The Care Diamond: State Social Policy and the Market / The United Nations Research Institute for Social Development // <[http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/4177D0C917369239C1257566002EA0C7/\\$file/IndiaRR3.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/4177D0C917369239C1257566002EA0C7/$file/IndiaRR3.pdf)>. – 47 p. – P. 2.

¹⁵ India. A Welfare State // <<http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan003057.pdf>>. – 3 p. – P. 1.

Так, возникновение и трансформация государства благосостояния в Индии были обусловлены процессами, связанными с колонизацией. В доколониальный период обеспечение благосостояния населения основывалось на следующем: достаточно крупные семьи, деревни и религиозные или кастовые общины. Такой порядок был существенным образом изменен с приходом новых экономических методов производства и эксплуатации и новых методов публичного управления¹⁶.

В период колонизации Индии Великобританией был частично подорван существовавший экономический порядок, а также была снижена способность населения к самообеспечению, хотя проблема бедности существовала в Индии и до этого¹⁷.

С конца XIX века до начала XX века проведение государством социальных реформ ограничивалось принятием мер и законодательства в отношении благотворительных обществ и групп¹⁸.

Утверждается, что социальное государство в Индии основано на новой модели, отличной от западной модели государства благосостояния. Такие различия обусловлены, в первую очередь, социальными особенностями и проблемами данного государства. Так, ресурсов, которые находятся в распоряжении государства, становится все больше, в то время как количество населения продолжает расти. Вместе с тем, социальные противоречия являются настолько острыми, что проведение срочных социальных и экономических реформ является жизненно необходимым для дальнейшего существования государства¹⁹.

Габриэль Кёлер классифицирует Индию по параметру реализованности в данной стране конституционного принципа социальности государства в настоящее время как «развивающееся государство благосостояния, возникшее на основе необходимости

¹⁶ Ehmke E. Socio-political Ideas and Political Society in the Indian Welfare Trajectory // <https://www.ids.ac.uk/files/dmfile/Ehmke2011PoliticalSocietyintheIndianwelfaretrajectoryCS_Pconferencedraft.pdf>. – 2011. – 17 p. – P. 5.

¹⁷ Ehmke E. Socio-political Ideas and Political Society in the Indian Welfare Trajectory // <https://www.ids.ac.uk/files/dmfile/Ehmke2011PoliticalSocietyintheIndianwelfaretrajectoryCS_Pconferencedraft.pdf>. – 2011. – 17 p. – P. 6.

¹⁸ Ehmke E. Socio-political Ideas and Political Society in the Indian Welfare Trajectory // <https://www.ids.ac.uk/files/dmfile/Ehmke2011PoliticalSocietyintheIndianwelfaretrajectoryCS_Pconferencedraft.pdf>. – 2011. – 17 p. – P. 6.

¹⁹ Welfare state and education // <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/1918/7/07_chapter2.pdf>. – P. 26.

обеспечения защиты прав». Подобная модель государства благосостояния также реализована в Бангладеш и Непале²⁰.

Такое государство благосостояния характеризуется следующими основными особенностями:

– социальная политика в сфере образования, здравоохранения, обеспечения занятости населения и социальной защиты номинально основывается на стандартах социальной справедливости;

– в качестве факторов, в том числе обусловивших развитие государства благосостояния, выступают различные изменения в обществе;

– наличие разрыва между разработанными и принятыми на законодательном уровне основами государства благосостояния и их фактической реализацией;

– универсальность социальных пособий (вместе с их достаточно подробной категоризацией в определённых сферах);

– обеспечение доступа населения к продуктам питания является дополнительной функцией государства, выходящей за рамки основных функций в социальной сфере²¹.

Ключевым моментом для институционализации индийского режима обеспечения благосостояния населения стало принятие конституции данного государства²².

Конституция Индии (вступившая в силу в 1950 году) непосредственно не содержит указания на то, что Индия является социальным государством, однако целый ряд статей данного нормативно-правового акта такой вывод сделать позволяет.

Статья 25 Конституции Индии (вступившей в силу в 1950 году)²³, которая закрепляет право на свободу религии, в пункте «b» части 2 содержит указание на то, что «ничто в настоящей статье не затрагивает действия существующего закона или не препятствует государству принимать закон», направленный на обеспечение социального благосостояния.

²⁰ Köhler G. Is There an «Asian Welfare State Model»? East and South Asian Trajectories and Approaches to the Welfare State // <<http://www.un.org/esa/socdev/csocd/2016/ko%CC%88hler-asian-welfarestates.pdf>>. – 10 p. – P. 5.

²¹ Köhler G. Is There an «Asian Welfare State Model»? East and South Asian Trajectories and Approaches to the Welfare State // <<http://www.un.org/esa/socdev/csocd/2016/ko%CC%88hler-asian-welfarestates.pdf>>. – 10 p. – P. 4–5.

²² Ehmke E. Socio-political Ideas and Political Society in the Indian Welfare Trajectory // <<https://www.ids.ac.uk/files/dmfile/Ehmke2011PoliticalSocietyintheIndianwelfaretrajectoryCSConferencedraft.pdf>>. – 2011. – 17 p. – P. 7.

²³ Constitution of India // <<http://india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text>>; <http://india.gov.in/sites/upload_files/npi/files/coi_part_full.pdf>.

Статья 38 Конституции Индии (вступившей в силу в 1950 году) устанавливает следующее:

«1. Государство должно стремиться содействовать благосостоянию народа посредством обеспечения и защиты социального порядка, в котором справедливость, социальная, экономическая и политическая, наполняет все институты национальной жизни, так эффективно, как оно только может.

2. Государство, в частности, стремится свести к минимуму неравенство в доходах и стремится устранить неравенство в статусе и возможностях, не только среди отдельных индивидов, но также и среди групп населения, проживающего в разных районах или занимающегося разной деятельностью»²⁴.

Государство, в частности, как это устанавливает статья 39 Конституции Индии (вступившей в силу в 1950 году), должно реализовывать политику, направленную на обеспечение следующего:

– чтобы граждане, мужчины и женщины в равной степени, имели право на необходимые средства к существованию;

– чтобы имущество и контроль над материальными ресурсами общества были распределены наиболее эффективно для способствования общему благу;

– чтобы функционирование экономической системы не приводило к концентрации богатства и средств производства в ущерб обществу;

– чтобы не происходило злоупотреблений здоровьем и силой работников, мужчин и женщин, а также нежным возрастом детей и чтобы граждане не были вынуждены экономической необходимостью заниматься деятельностью, не соответствующей их возрасту или силе;

– чтобы детям были предоставлены возможности и средства для развития здоровым образом и в условиях свободы и уважения их достоинства и чтобы дети и молодежь были защищены от эксплуатации и моральной и материальной покинутости²⁵.

С обретением Индией независимости, применение интервенционистских мер считалось обязательным для достижения основных поставленных на тот момент перед государством целей, таких как искоренение бедности, достижение социальной справедливости, обеспечение самодостаточности и роста в Индии.

²⁴ Constitution of India // <<http://india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text>>; <http://india.gov.in/sites/upload_files/npi/files/coi_part_full.pdf>.

²⁵ Constitution of India // <<http://india.gov.in/my-government/constitution-india/constitution-india-full-text>>; <http://india.gov.in/sites/upload_files/npi/files/coi_part_full.pdf>.

В частности, планировалось достигнуть следующего: обеспечение бесплатного и обязательного образования для детей; обеспечение функционирования государственной системы здравоохранения; создание системы высшего образования; обеспечение защиты экономических и социальных прав женщин и различных каст, племен и религиозных организаций; обеспечение всех граждан средствами к существованию; обеспечение равной оплаты труда мужчин и женщин за выполнение равной работы; обеспечение надлежащих условий труда; обеспечение защиты населения от эксплуатации; снижение экономического неравенства населения²⁶.

Однако, несмотря на вышеуказанные закрепленные на конституционном уровне основы государства благосостояния, а также на вышеуказанные политические цели, на практике сейчас государственный сектор оказания социальных услуг в Индии характеризуется низким уровнем охвата населения, низким качеством предоставляемых услуг, а также высокой коррумпированностью, что серьёзно противоречит положениям Конституции Индии. Однако в последнее десятилетие прилагаются значительные усилия к тому, чтобы изменить взаимоотношения между гражданами Индии и государством, посредством предоставления населению более широких прав на социальные и экономические блага и строительства основ государства благосостояния²⁷.

Так, большая часть занятого трудоспособного населения Индии практически не имеет доступа к государственной системе социального обеспечения, лишь меньшинство, к которому относятся те, кто работает в формальном секторе труда, пользуется услугами и помощью от государственных фондов социального страхования, которые предоставляют им социальную защиту от непредвиденных обстоятельств достаточного уровня²⁸.

Соответственно, как указывает Джамила Педисини, в Индии благосостояние работников обеспечивается двумя способами, в зависимости от того, в формальном или неформальном секторе

²⁶ *Palriwala R., Neetha N.* India: research report 3. The Care Diamond: State Social Policy and the Market / The United Nations Research Institute for Social Development // <[http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/4177D0C917369239C1257566002EA0C7/\\$file/IndiaRR3.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/4177D0C917369239C1257566002EA0C7/$file/IndiaRR3.pdf)>. – 47 p. – P. 2.

²⁷ *Aiyar Y., Walton M.* Rights, Accountability and Citizenship: Examining India's Emerging Welfare State // <http://www.cprindia.org/sites/default/files/working_papers/rights_based_welfare_state_ayiar_walton.pdf>. – 2014. – 70 p.

²⁸ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 3.

труда осуществляет свою трудовую деятельность работник. Государственное социальное обеспечение предоставляется примерно 7 процентам работников от общего их числа, которые заняты в формальном секторе труда. Кроме того, такие работники зачастую снимают нагрузку с не совсем качественно предоставляющих услуги государственных систем образования и здравоохранения, обращаясь за этими услугами к учреждениям частного населения. Остальные 93 процента работников могут рассчитывать исключительно на государственное здравоохранение и образование²⁹.

Под социальным обеспечением в данном случае следует понимать денежные и нефинансовые пособия, которые направлены как на управление рисками, так и на предупреждение их возникновения. При этом, несмотря на то, что Конституция Индии содержит в себе указание на необходимость организации универсального социального обеспечения, по большей части, такое социальное обеспечение направлено на определённые ограниченные категории населения³⁰.

Законодательство о социальном обеспечении (которое, по сути, также распространяется на лиц, занятых в формальном секторе труда) обеспечивает существование двух основных систем предоставления пособий населению: те, которые требуют первоначального внесения взносов со стороны населения, и те, которые не требуют. К системам первого типа относятся системы пенсионного обеспечения, медицинского обеспечения и социального страхования от рисков болезни, инвалидности, получения травм на рабочем месте, безработицы, материнства, потери кормильца, а также достижения пожилого возраста. В рамках систем второго указанного типа предоставляются пособия по уходу за ребёнком в декретном отпуске, а также, например, однократно предоставляемые денежные выплаты квалифицированным работникам в связи с окончанием трудовой деятельности³¹.

²⁹ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 3.

³⁰ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 8.

³¹ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 8.

Право гражданина на получение такого рода пособий определяется целым рядом факторов, к которым, в первую очередь, относится официальность сектора труда, а также тип работы, которой он занимается, размер заработной платы и размер учреждения, в котором он осуществляет свою трудовую деятельность. В целом вообще не подпадают под действие государственных систем социального обеспечения Индии такие категории работников, которые занимаются сезонными работами, либо являются самозанятыми, либо осуществляют деятельность в сфере сельского хозяйства³².

Меры, реализуемые в Индии органами публичной власти, направленные на обеспечение социальной защиты работников неформального сектора труда, фактически не предоставляют её в достаточном объеме и принимаются в случайном порядке по ситуации. Существующие программы для таких категорий работников можно разделить на следующие основные категории: программы, направленные на обеспечение социальной поддержки, программы социального страхования и пенсионного обеспечения, а также фонды обеспечения благосостояния³³.

В рамках таких программ, направленных на обеспечение социальной поддержки, по большей части реализуются меры, ориентированные на стимулирование занятости населения, искоренение бедности, меры по продовольственному обеспечению населения, а также программы социальной поддержки и пенсионного обеспечения уязвимых категорий населения³⁴.

Вышеуказанные программы социального страхования и пенсионного обеспечения ориентированы на население, живущее в состоянии крайней бедности, однако предполагают необходимость выплаты таким населением соответствующих взносов в фонды социального страхования³⁵.

Фонды обеспечения благосостояния населения обеспечивают социальное страхование в некоторых формах для лиц,

³² *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 8.

³³ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 9.

³⁴ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 9.

³⁵ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 9.

занимающихся определёнными видами деятельности, например в сфере кинематографии и др. Однако посредством таких фондов может поддерживаться благосостояние работников неформального сектора труда в целом, без доступа к индивидуальному медицинскому обеспечению, например, в отличие от работников формального сектора труда³⁶.

Несмотря на существование вышеуказанных возможностей обеспечения благосостояния работников неформального сектора труда в Индии, фактически соответствующие пособия получает не более десяти процентов таких работников. При этом социальное обеспечение работников формального сектора труда в Индии также характеризуется отдельными недостатками, в частности, в плане эффективности³⁷.

Такая ситуация в немалой степени может быть связана со сложностью ситуации, сложившейся в Индии в сфере занятости. Так, экономические реформы, проведенные в начале 1990-х годов, заключавшиеся в либерализации внешней торговли и инвестиций, а также в отмене контроля за деятельностью внутреннего рынка, привели к быстрому экономическому росту. Тем не менее, это не привело, как ожидалось, к увеличению уровня занятости населения, и даже наоборот, рост занятости населения даже несколько снизился на фоне экономического роста. По мнению некоторых индийских исследователей, это может быть связано, в том числе, со слабой трудоспособностью рабочей силы, подвергшейся значительному дефициту образования и здравоохранения³⁸.

Кроме того, за последние два десятилетия произошли изменения в структуре рабочей силы в Индии: произошел сдвиг из сферы сельского хозяйства, в том числе в сферу услуг³⁹.

Также в Индии наблюдается неравный доступ всего населения к здравоохранению. Так, несмотря на то, что в 1983 году в Индии была принята первая Национальная политика в сфере

³⁶ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 9.

³⁷ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 9.

³⁸ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 6.

³⁹ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 6.

здравоохранения, в рамках которой предполагалось обеспечить распространение действия данной системы на все население к 2000 году, этой цели достигнуть не удалось. В 2002 году был осуществлен пересмотр данной политики, и была поставлена цель достижения «удовлетворительного стандарта хорошего здоровья среди всего населения»⁴⁰.

В Индии имеют место значительные различия между населением разных регионов, а также между сельским и городским населением, в частности ввиду низкого уровня грамотности и социально-экономического статуса населения определённых районов⁴¹.

Недостаток здравоохранения для населения Индии обусловлен рядом некоторых проблем, к которым относят следующие: инфраструктурные проблемы; проблемы недостаточности человеческих ресурсов; недостаточность медицинского персонала; низкая в определённых ситуациях компетентность медицинского персонала; низкий уровень дисциплины у медицинских работников; недостаточность необходимых лекарственных средств; существенный дефицит возможностей предоставления экстренной медицинской помощи; недостаточность учреждений здравоохранения в целом⁴².

При этом, как отмечает Джамила Педисини, проблемы в сфере здравоохранения являются разными для систем социального обеспечения работников формального сектора труда и работников неформального сектора труда. Так, работники формального сектора труда, осуществляющие свою трудовую деятельность как в государственном, так и в частном секторе, имеют доступ к некоторой форме медицинского страхования и могут получать бесплатные медицинские услуги в больницах и лекарственные средства рецептурного отпуска⁴³.

Работники неформального сектора труда, как правило, не имеют доступа к бесплатным услугам государственной системы

⁴⁰ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 10.

⁴¹ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 11.

⁴² *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 11.

⁴³ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 11.

здравоохранения. Несмотря на деятельность Центров первичного медико-санитарного обслуживания, некоторые из них имеют возможность получать лекарственные средства рецептурного отпуска бесплатно, однако их количество остается весьма незначительным. Частная медицина, как правило, для работников неформального сектора труда также недоступна ввиду слишком высокой стоимости услуг частных медицинских учреждений, а также основной их ориентированности на городское население⁴⁴.

Население Индии также имеет весьма неравный доступ к образованию, несмотря на закрепленное в Конституции Индии положение об обязательности бесплатного образования для детей в возрасте от шести до четырнадцати лет⁴⁵.

Ограниченность доступа всего населения Индии к образованию определяется также наличием следующих проблем в данной системе: недостаточность необходимой инфраструктуры; недостаточность преподавательского состава; неудовлетворительный уровень подготовки преподавательского состава. Однако стоит отметить, что в последние годы был достигнут прогресс в обеспечении универсального приёма в начальные школы, хотя, вместе с тем, существует проблема низкой посещаемости школ. В результате неудовлетворительного состояния государственной системы образования, большинство работников формального сектора труда предпочитает пользоваться услугами частных школ для своих детей, которые, в среднем, оканчивают большее количество классов, чем дети работников неформального сектора труда⁴⁶.

* * * * *

⁴⁴ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 11.

⁴⁵ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 12.

⁴⁶ *Pedicini J.* The Two Indian Welfare Systems: State & Corporate Responses / Department of social policy and intervention // <https://www.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/J_Pedicini_final__2_.pdf>. – 2011. – 33 p. – P. 12–13.

Цыбизова Н.А. Понятие пропажи людей в древних источниках права как прообраз института безвестного отсутствия⁴⁷

Проблема безвестного отсутствия граждан, в современных условиях, является актуальной. Сегодня особенно важно проведение исследования обозначенной темы, анализ состояния данного института. Изучение института безвестного отсутствия, его правовой и нравственной составляющей невозможно без рассмотрения исторических документов, отражающих историю такого явления как пропая людей. Документы, которые рассмотрены в данной статье, позволяют изучить возникновение норм о пропаже людей, оказавших влияние на развитие института безвестного отсутствия. Приступая к изучению «безвестного отсутствия», необходимо установить эволюционную последовательность описания правовой составляющей, касающейся пропажи людей, и её связи с понятиями безвестного отсутствия, принятыми в современной цивилистике. Целесообразность данного анализа объясняется достаточно просто. Современная правовая действительность, касающаяся безвестного отсутствия граждан, не может быть обособлена от прошлого. Необходимо проследить, какие основные этапы прошли нормы о пропаже людей, что повлияло на образование данных норм, их содержание, становление и развитие. Данные задачи могут быть разрешены только при рассмотрении исторических документов в хронологическом порядке основных периодов:

⁴⁷ **Цыбизова Наталья Алексеевна** – старший преподаватель кафедры «Гражданско-правовые дисциплины» Сибирского государственного университета путей сообщения. Статья посвящена пропаже людей. Автор анализирует исторические документы, отражающие историю такого явления как пропая людей. Документы рассмотрены в исторической последовательности, что позволяет проследить возникновение норм о пропаже людей, оказавших влияние на развитие института безвестного отсутствия. Ключевые слова: пропая людей, гражданско-правовое регулирование, правовые проблемы безвестного отсутствия.

Tsibizova N.A. Understanding of the loss of people in the ancient sources of law, as a type of institution unknown absence.

The article is devoted to missing people, as the prototype of the Institute of unknown absence of citizens. The author analyzes historical documents reflecting the history of the phenomenon of missing persons. Documents considered in historical sequence that allows us to trace the emergence of norms about the loss of people who have influenced the development of the Institute of unknown absence.

Keywords: missing persons, civil-legal regulation, legal problems of unknown absence.

1. Документы, касающиеся истории государства и права Древнего мира, а именно документы древнего Востока – законы Хаммурапи, царя Вавилона, законы Ману.

2. Документы, касающиеся античного мира, а именно Древнего Рима, – Институции Гая, Конституции Юстиниана, дигесты, пандекты.

3. Документы государства и права Средних веков, а именно Средневековой Англии (законы Хлотаря и Эдрика, законы Инэ).

4. Документы, относящиеся к истории государства и права Нового времени.

История пропажи людей уходит своими корнями в архаические общества. Одной из задач представленной статьи является попытка прикоснуться к понятийному конструированию и анализу терминов, касающихся института безвестного отсутствия.

Безвестное отсутствие не является институтом XXI века, хотя именно в это время острым является вопрос о регулировании данной группы отношений, так как пропадать люди стали гораздо чаще, чем в прошлые века. В глубокой древности пропая людей являлась более редким событием, но, обладая первобытным, прелогическим менталитетом, люди объясняли эти события с точки зрения мистицизма⁴⁸. Духовная жизнь и специфический религиозный менталитет архаических обществ не представляют самостоятельного интереса в данной работе, однако позволяют сделать важный вывод, касающийся нормативного отношения первобытного общества к индивидууму. Например, в Северной Америке, «если кто-то из какого-то народа, даже воин, захвачен в плен и его, случайно, пощадили, чтобы принять (в племя) или сделать рабом, а ему удалось убежать и вернуться к своим, то последние не примут его и не признают больше одним из своих»⁴⁹. Содержательная полнота общественных,

⁴⁸ «В Лукунге, одном из постов американской баптистской миссии, из реки вылез огромный крокодил, чтобы под покровом ночи напасть на свиней. Свинья учуяла запах крокодила и подняла такой оглушительный визг, что миссионер Ингхэм поднялся с постели и выстрелом из ружья убил крокодила. На утро, он распорол ему брюхо и нашел в желудке два кольца, которые носят на лодыжке. Туземцы тут же признали, что кольца принадлежат женщинам, которые в разное время пропали, отправившись к реке за водой. Я прибыл на этот пост несколько дней спустя, и один из моих рабочих, родом из Конго, который сопровождал меня, упорно твердил, что крокодил не сожрал женщин. Он утверждал, что крокодилы этого никогда не делают. «Ну, а как же кольца? Разве это не вещественное доказательство того, что на этот раз крокодил сожрал женщин?» – Нет, он схватил их и потащил к колдуну, орудием которого был. Что же касается колец, то, видимо, ему пришла в голову мысль взять их себе в качестве платы» (*Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет: Пер. с франц. Е. Кальщикова. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – С. 36).

⁴⁹ *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет: Пер. с франц. Е. Кальщикова. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – С. 235.

религиозных⁵⁰ и моральных установок язычников заключалась в том, что несчастья, в том числе пропажа (захват в плен) человека, объясняются нарушением традиционного обычая и являются следствием (наказанием) за совершенное им деяние. В архаическом обществе пропавшему человеку презюмировалось отступление от общепринятых правил, и он подлежал наказанию.

В настоящее время цивилистика завуалированно придерживается такого же мнения, не презюмируя добросовестность безвестно отсутствующему человеку. Представляется целесообразным изменение взгляда современного законодателя на природу данного явления.

Современная правовая действительность не обособлена от истории права, документы прошлого позволяют проследить генезис различных явлений, в том числе пропажи людей.

Одним из примеров может служить регулирование пропажи (отсутствия) людей в Кодексе Хаммурапи.

Вавилонское государство было рабовладельческим и носило характер военной деспотии. Законы Хаммурапи, правившего Вавилоном и объединенной Месопотамией в 1792–1750 до н. э., конечно, не имели института безвестного отсутствия, но уже в них мы находим нормы, регулирующие последствия пропажи лица, например в результате пленения. По мере развития цивилизации увеличивалось количество войн и это неизбежно влекло за собой пленение и пропажу воинов. Таким образом, люди стали пропадать в результате выполнения определённых социальных функций. Данное обстоятельство перешло в разряд социальных явлений, случающихся при выполнении долга, и требовало от государства патерналистских действий не только в отношении плененного, который безвестно отсутствовал, но и в отношении близких воина.

В случае пленения в Кодексе Хаммурапи вопрос решался следующим образом:

«§ 27. Если редум или баирум будет уведён в плен, будучи на царской службе, а после него его поле и сад будут отданы другому и тот будет нести его воинскую повинность, то если он вернется и

⁵⁰ Представления о пропаже зависели от конфессиональной принадлежности. Пропадали не только люди, но и боги. В религиозном представлении шиитов (второй ветви магометан) это произошло с двенадцатым имамом, который, как они утверждают, не умер, а исчез из глаз смертных через подземный ход в Самарре в 941 году (Иллюстрированная история религий. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1 / Под ред. Д.П. Шантепи де ля Соссей. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1992. – С. 403).

достигнет своего поселения, должно возратить ему его поле и сад, и он будет сам нести свою повинность»⁵¹.

Необходимо отметить, что уже в древности пришли к выводу, что в случае пропажи лица все последствия, прежде всего, несут родные и супруга пропавшего:

«§ 133. Если кто был взят в плен, а в доме его имеются средства к пропитанию, и если его жена оставит его дом и вступит в другой дом, то, поелику она не охраняла своего дома, пусть уличена будет пред судом и брошена в воду.

§ 134. Если кто был взят в плен, а в доме его нет средств к пропитанию и если его жена вступит в другой дом, то эта женщина невиновна.

§ 135. Если кто взят в плен, а в доме его нет средств к пропитанию, и его жена вступит в другой дом и родит детей, и если потом муж её вернется на родину, то жена возвращается к своему мужу, дети же следуют за своим отцом.

§ 136. Если кто оставит свой город и убежит, а жена его вступит в другой дом и если он вернется и захочет взять свою жену обратно, то, поелику он оставил свой город и убежал, жена беглеца к нему не возвращается».

Представляется, что именно то обстоятельство, что родные пропавшего оказывались в тяжелом положении, являлось одним из стимулов развития правового регулирования.

Уже в данных статьях мы видим, что одной из задач регулирования пропажи людей (в том числе и при выполнении социальных функций) являлась задача правового регулирования положения жены и оставшихся иждивенцев пропавшего. Характерно, что регламентировалось явление неизвестного отсутствия не при помощи таких критериев, как время и срок, а с использованием утилитарного подхода – т. е. наличия «средств к пропитанию». Бесспорно, это было оправдано и объяснялось историческим, экономическим состоянием общества, а также ограниченным развитием цивилистической мысли.

Представляется необходимым обратить внимание на регулирование пропажи людей в памятнике Древней Индии – книге законов Ману (Манавадхармашастра), составленной между II в. до н. э. и II в. н. э. Насколько мы можем судить, нормы, относящиеся к неизвестному отсутствию, в законах не обозначены. В отдельных

⁵¹ Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: Юристъ, 1996. – С. 9–25.

правовых нормах упоминается похищение лица и попытка создания правового инструментария в случае похищения людей: «похищение людей из хорошей семьи и особенно женщин и драгоценных камней (преступник) заслуживает телесного (или высшего) наказания».⁵²

Таким образом, нормы, регулирующие последствия пропажи лица, уже были известны древним памятникам права, и причиной появления данных норм являлась реакция общества на данное явление.

В каждой культуре были свои реальные формы и наполнение норм, касающихся пропажи людей. Правовая институционализация данного явления происходила с учетом ментальных, конфессиональных, географических и правовых особенностей той или иной культуры.

Юридический гений римлян создал государство, где правовому регулированию подверглись практически все сферы общественной жизни. Античное право не имело определения безвестного отсутствия, но при этом сконструировало *cura bonorum absentis* (установление опеки над имуществом отсутствующего), что можно считать началом разработки института безвестного отсутствия граждан. Также необходимо заметить, что для ликвидации неопределённости в отношении безвестно отсутствующих граждан суд имел возможность самостоятельно презюмировать жизнь или смерть безвестно отсутствующего.

При этом в римском праве существовали нормы, регулирующие последствия судьбы брака в случае пропажи лица в результате пленения или рабства супруга. Как уже говорилось, пропажа людей могла происходить по разным причинам и, кроме вопроса содержания лиц, находящихся на иждивении пропавшего или плененного лица, требовалось правовое регулирование брака отсутствующего.

«Для того чтобы брак мог юридически существовать, надо, чтобы все время были в наличии те условия, без которых брак не мог бы быть заключен. Отпадение какого-либо из этих условий было и основанием прекращения брака. Таким образом, кроме смерти одного из супругов, брак прекращался *capitis deminutio maxima* одного из супругов, т. е. обращением его в рабство, ибо у рабов не было *ius conubii*. Если же взятый в плен и обращенный в рабство супруг возвращался затем в Рим, то в силу *postliminium* считалось, что

⁵² Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: Юристъ, 1996. – С. 25–55.

manus никогда не прекращалась. Брак же sine manu как некоторая только фактическая, но не юридическая связь считался прекращенным, ибо postliminium применялся к res iuris, но не к res facti, если оба супруга были вместе в плену»⁵³.

С течением времени государственное греко-римское право остановилось на нескольких поводах к разводу, представляющих аналогию или с прелюбодеянием, или со смертью, разрушающей брак физически. По аналогии со смертью считалось поводом к разводу безвестное отсутствие в течение 5 или 10 (для военных) лет. Все эти поводы к разводу установлены были собственно в законодательстве Юстиниана (преимущественно в его новеллах), а отсюда уже приняты в церковный номоканон⁵⁴.

Таким образом, в процессе эволюции римского частного права сложился один из основополагающих принципов института безвестного отсутствия – cura bonorum absentis (установление опеки над имуществом отсутствующего), представляющий практическую ценность.

Интересно провести краткий анализ правовой системы Византии с точки зрения развития института безвестного отсутствия. Основными источниками права в византийских судах VI–VII вв. н. э. были Кодекс и Институции Юстиниана, а также Дигесты Юстиниана, при этом в канонах и государственных законах Византийской империи нашли свое выражение церковные принципы.⁵⁵

Статуса безвестного отсутствия данная правовая система не сформировала, но ею определен статус умершего. В Дигестах Юстиниана, Книга сороковая, Титул XV «О статусе умершего не спорят через пять лет», приводится высказывание Марциана из книги «О государственных (судебных) процессах»: о статусе умершего более пяти лет назад нельзя возбуждать расследование ни частным образом, ни от имени фиска⁵⁶.

⁵³ Римское частное право: Уч. / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – 448 с. – С. 113.

⁵⁴ Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб.: Лань, 2002. – 384 с. – С. 271.

⁵⁵ Классическая византийская формула взаимоотношений между государственной и церковной властью заключена в «Эпанагоге» (вторая половина IX века): «Мирская власть и священство относятся между собой, как тело и душа, и необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства» (Русская Церковь на рубеже веков. Юбилейный Архиерейский Собор Московской Патриархии. – СПб.: Царское дело, 2001. – 319 с. – С. 79).

⁵⁶ Дигесты Юстиниана: Пер. с лат. / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VI. Полутом I. – М.: Статут, 2005. – 728 с. С. 723.

Представляется интересным привести некоторые статьи, непосредственно связанные с пропажей лица. При этом необходимо отметить, что лицо может пропасть в связи с удержанием данного лица другим лицом. В Титуле XXIX (в книге 43) «О свободном человеке, подлежащем выдаче» в соответствии с нормой о свободном человеке говорится:

«§ 5. Если кто-то удерживает (кого-либо) с его согласия, то не считается, что он удерживает со злым умыслом. Но что, если он удерживает (человека) хотя и с его согласия, однако не без лукавства обманутого, или сбитого с толку, или соблазненного и делает это не по доброму и достойному одобрения основанию? Правильно будет сказано, что он удерживает со злым умыслом.

§ 6. Тот, кто не знает, что у него находится свободный человек, не имеет злого умысла. Но когда он удерживает, будучи поставлен в известность, он не свободен от злого умысла.

§ 7. Разумеется, если он сомневается, является тот свободным или рабом, либо он учиняет тяжбу о правовом статусе (удерживаемого), надо будет отказаться от этого интердикта и вести тяжбу о свободе. Ведь правильно решено, что тогда только этот интердикт имеет место, когда кто-то определённо является свободным.

§ 8. Претор говорит «Выдай». Выдать – значит привести в общественное (место) и предоставить возможность увидеть и коснуться человека. Но в собственном смысле слово выдать означает не держать в укромном (месте)»⁵⁷.

Данная норма представляет интерес с точки зрения доказательства объявления пропавшего лица.

В случае пленения или пропажи лица в правовых актах вопрос решался по поводу положения жены. Например, в Дигестах или Пандектах Юстиниана в Книге двадцать четвертой, Титул II «О разводах и заявлениях, о расторжении брака» (De divortiis et repudiis).

1. (Павел). Брак прекращается разводом, смертью, взятием в плен или другим случаем рабства одного из них (супругов).

2. (Юлиан). Жены лиц, попавших во власть врагов, могут рассматриваться как занимающие положение замужних в силу одного того, что они не могут по своему произволу выйти замуж за других. [И следует дать общее определение: пока известно, что находящийся в плену муж жив, его жене не дозволяется другое супружество, разве

⁵⁷ Дигесты Юстиниана: Перевод с лат. / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VI. Полутом I. – М.: Статут, 2005. – 728 с. – С. 441.

что сами женщины предпочли дать причину для заявления о прекращении брака. Если же неизвестно, находится ли он в живых (муж), удерживаемый врагами, или же его уже настигла смерть, то по истечении пятилетия со времени его пленения женщине дозволяется вступить в другое супружество, но с тем, однако, что первый брак рассматривается как расторгнутый с хорошими чувствами и каждый (из бывших супругов) сохраняет свое право без всякого ущемления; такое же право следует соблюдать, если муж живет в (своей) общине, а жена захвачена в плен]⁵⁸.

Таким образом, несмотря на то что нормы о безвестном отсутствии граждан ещё не сформированы в рассматриваемых правовых актах, нормативный отклик на пропажу людей уже имеет место.

Обращаясь к истории рассматриваемого явления, мы сталкиваемся с тем, что четкого выделения института не существовало и не могло существовать ни в одной из зарождающихся правовых систем.

Правовая система Византии была более развита, в силу исторических, географических и ряда других причин, чем правовая система Руси. Рассмотрим регулирование пропажи людей по древнерусскому законодательству. К первым древнерусским правовым памятникам законодательства можно отнести договоры Руси с Византией. Киевские князья в X в. проводили свою внешнюю политику посредством военных походов на Византию. При этом Русь в первую очередь стремилась приобрести заморские рынки и обеспечить для русского купечества безопасность торговых путей⁵⁹.

Известны походы Олега (907 года), Игоря (941 года и 944 года), Святослава (971 года) и другие.

Результатом походов были торговые соглашения. Летопись сохранила четыре договора Руси с Византией: Олега 907 и 911 гг., Игоря 945 года и один краткий договор или только начало договора Святослава 971 года. Очень вероятен тот факт, что предварительный договор 907 года был подтвержден Олегом в 911 году формальным договором⁶⁰.

⁵⁸ Цит. по: Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Т. 1 / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: Юристъ, 1996. – 392 с. – С. 235–236.

⁵⁹ *Ключевский В.О.* О русской истории: Сборник / Сост., авт. предисл. и примеч. В.В. Артемов; под ред. В.И. Буганова. – М.: Просвещение, 1993. – 576 с. – С. 52.

⁶⁰ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 года). – СПб.: Алетейя, 2000. – 423 с.

Данные договоры содержали самые разнообразные нормы, касавшиеся торгового, уголовного и гражданского права.

Военные походы влекли за собой пленение воинов и обращение людей в рабство. Рабы не имели статуса физического лица и субъекта права и являлись объектом права. При этом были созданы определённые нормы, которые регулировали пропажу рабов. Они были обозначены в следующих договорах:

– в Договоре Олега 911 года в статье 12 содержатся нормы о взаимном выкупе и возвращении в отечество рабов и пленников (ст. 9, 11);

– в Договоре Игоря в статьях 3 и 4 также содержатся нормы о рабовладении, определяя взаимные обязательства сторон о возвращении беглых рабов: «Если убежит челядин от русских,... и если найдется он, то пусть его возьмут; если же не найдется..., тогда возьмут от нас... драгоценные ткани за челядина»;

– в статье 3 договора Игоря: «Если убежит к Вам наш челядин..., то Вам следует возвратить его; а если все, что он принес, будет цело, то взять от него [т. е. хозяина] два золотника за поимку»⁶¹.

Договоры Руси с Византией имели большое культурное и правовое значение, так как способствовали развитию регулирования отношений, связанных с пропажей людей.

Представляется целесообразным в данной работе обратить внимание не на некоторые черты развития права в период княжения. Старые нормы обычного народного права не отличались достаточной гибкостью, чтобы, изменяясь и усложняясь, отвечать на новые вопросы, новые потребности, возникавшие в жизни. Таково было основное условие возникновения правительственной деятельности по созданию нового права. Она имела две формы – судебно-административную практику, создававшую по отдельным случаям решения прецеденты, которые, применяясь к ряду новых сходных случаев, обобщались и вырастали до значения новых форм права; и уставную деятельность, прямо создававшую новые нормы в руководство этой практике⁶². Интересующее нас явление пропажи людей в данный момент не регулировалось. Представляется, что это происходило по следующим причинам. По справедливому замечанию А.Е. Преснякова, «основная черта народного права – то, что оно

⁶¹ История государства и права России: в документах, материалах и комментариях / Автор-составитель В.С. Черняев. – Оренбург, 1998. – С. 12.

⁶² Пресняков А.Е. История Руси. Киевская Русь. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2012. – 384 с. – С. 287.

рассчитано на определённую оседлость и союзность... Бросается в глаза возникшая необходимость определить правовое положение лиц – не членов народной общины, не оседлых в данной местности, потому ли что они вошли в волость со стороны, потому ли что они вышли из обычно-правовых союзов – семейных, родовых, общинных – оказались “изгоями”»⁶³. Представляется, что к этой категории могли относиться и пропавшие (безвестно отсутствующие) лица. Так же А.Е. Пресняков уточняет, что «данная категория лиц, выбитых жизнью из тех или иных обычно-правовых союзов или определённых общественных положений и потому потерявших необходимые условия для защиты их личных и имущественных прав и, следовательно, нуждавшихся в особой опеке, не предусмотренной народным правом... Они оказывались вне правового союза и к ним неприменимы обычные нормы права»⁶⁴.

Можно предположить, что неприменимы были обычные нормы права и к пропавшим (безвестно отсутствующим) людям, так как это была тоже категория лиц, выбитых жизнью из тех или иных обычно-правовых союзов или определённых общественных положений, так же потерявших необходимые условия для защиты их личных и имущественных прав.

Задача определить правовое положение всех этих разнородных элементов выпала на долю княжеской власти. И она идет к этой цели двумя путями: 1) распространяя на них общие нормы путем создания особых условий, с помощью которых это оказалось бы возможным, 2) создавая новые нормы, по существу отличные от обычно-правовых, народных. Князь берет на себя защиту людей, у которых нет обычно-правовых защитников⁶⁵.

Представляется, что именно эти нормы являются началом регулирования пропажи людей по древне-русскому праву.

С учётом вышесказанного можно сделать следующие выводы.

В архаическом обществе пропавшему человеку презюмировалось отступление от общепринятых правил, и он подлежал наказанию.

В праве Древнего мира, Древнего Востока пропая людей переходит в разряд социальных явлений, случающихся при

⁶³ Пресняков А.Е. История Руси. Киевская Русь. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2012. – 384 с. – С. 289.

⁶⁴ Пресняков А.Е. История Руси. Киевская Русь. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2012. – 384 с. – С. 289.

⁶⁵ Пресняков А.Е. История Руси. Киевская Русь. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2012. – 384 с. – С. 291.

выполнении долга, и требует действий не только в отношении плененного (безвестно отсутствующего), но и в отношении близких война, что явилось одним из стимулов развития правового регулирования. В отдельных правовых нормах упоминается похищение лица и попытка создания правового инструментария в случае похищения людей.

Античное право закладывает основы разработки данного института, решение судьбы брака безвестно отсутствующего и конструирует *cura bonorum absentis* (установление опеки над имуществом отсутствующего).

В древнерусском праве так же отмечается отклик на пропажу воинов и обращение в рабство. По-прежнему в обществе сохраняются архаические представления о том, что трагические события, в том числе приводящие к пропаже человека, объясняются нарушением обычаев и конфессиональных установок. При этом уже отмечается существование категории лиц, оказывающихся вне правового союза, к которым неприменимы обычные нормы права.

Таким образом, можно проследить развитие предпосылок для создания норм, регулирующих пропажу людей и норм о безвестном отсутствии граждан.

Для развития и обогащения науки современного гражданского права России требуется всестороннее и внимательное отношение к различным правовым концепциям, опыту и реалиям, при этом требуется деликатное отношение к памятникам отечественной и зарубежной цивилистики, уважение к авторитетам и особенностям Российского и зарубежного права в части, касающейся темы диссертационного исследования.

* * * * *

Борисевич А.Н. К вопросу о договорах, заключаемых при оказании образовательных услуг⁶⁶

Договор об образовании, явившийся новеллой российского законодательства в сфере образования, был нормативно закреплён в статье 54 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации»⁶⁷ (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ), вступившего в силу с 1 сентября 2013 года.

Статья 54 Федерального закона № 273-ФЗ определяет, что договор об образовании заключается в простой письменной форме между:

1) организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и лицом, зачисляемым на обучение (родителями (законными представителями) несовершеннолетнего лица);

2) организацией, осуществляющей образовательную деятельность, лицом, зачисляемым на обучение, и физическим или юридическим лицом, обязующимся оплатить обучение лица, зачисляемого на обучение.

Следует согласиться с выводами А.И. Рожкова о том, что «статья 54 носит комплексный характер, регламентирует как соглашения, заключаемые при приёме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица (платные образовательные услуги), так и соглашения между образовательной организацией и обучающимся (его законным представителем) при предоставлении образования за счет средств соответствующего бюджета»⁶⁸.

⁶⁶ **Борисевич Александр Николаевич** – аспирант, заместитель начальника Учебно-методического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В статье рассматривается проблема определения понятий договоров, заключаемых при оказании образовательных услуг.

Ключевые слова: договор об образовании, программы дошкольного образования, платные образовательные услуги, образовательная организация.

Borissevich A.N. On the question of contracts concluded for the provision of educational services.

The article deals with the definition of the educational agreement, concluded for the provision of educational services.

Keywords: educational agreement, preschool education programs, paid educational services, educational establishment.

⁶⁷ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31.12.2012. – № 53 (Ч. 1). – Ст. 7598. В ред. от 13.07.2015 – СПС «Гарант».

⁶⁸ *Рожков А.И.* Платные образовательные услуги в школе в условиях реализации нового федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // <<http://xn-->

Такая позиция основана на следующем.

Статью 54 Федерального закона № 273-ФЗ необходимо рассматривать в неразрывной связи с положениями статьи 53 этого же Закона, где законодатель предусмотрел **обязательные** случаи заключения договора об образовании. В частности, в части 2 статьи 53 данного Закона указано, что заключение договора об образовании обязательно, когда приём на обучение осуществляется по образовательным программам дошкольного образования или обучение осуществляется за счет физических и (или) юридических лиц.

Приказом Минобрнауки России от 13.01.2014 № 8 «Об утверждении примерной формы договора об образовании по образовательным программам дошкольного образования»⁶⁹ определено, что предметом данного договора являются оказание образовательной организацией воспитаннику образовательных услуг в рамках реализации основной образовательной программы дошкольного образования в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования, содержание воспитанника в образовательной организации, присмотр и уход за воспитанником.

Как видно, предмет указанного договора состоит из нескольких частей:

- оказание воспитаннику образовательных услуг;
- содержание воспитанника;
- присмотр и уход за воспитанником.

В соответствии с условиями данного договора родители воспитанника оплачивают услуги только по присмотру и уходу за воспитанником и услуги по предоставлению воспитаннику дополнительных образовательных услуг. В договоре прямо указано, что не допускается включение расходов на реализацию образовательной программы дошкольного образования в родительскую плату за присмотр и уход за воспитанником, то есть образовательные услуги, предоставляемые воспитаннику, родители оплачивать не должны.

В соответствии с подпунктом 13 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 03.11.2015)

273--84d1f.xn--p1ai/publikatsii/platnye-obrazovatelnye-uslugi-v-shkole-v-usloviyah-realizacii-povogo-federalnogo-zakona>.

⁶⁹ Приказ Минобрнауки России от 13.01.2014 № 8 «Об утверждении примерной формы договора об образовании по образовательным программам дошкольного образования» // Российская газета. – 11.04.2014. – № 83.

«Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁷⁰, пунктом 3 части 1 статьи 8 Федерального закона № 273-ФЗ, к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов обеспечения государственных гарантий реализации прав на получение общедоступного и бесплатного дошкольного образования в муниципальных дошкольных образовательных организациях.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что оказание воспитаннику образовательных услуг в муниципальных дошкольных образовательных организациях производится на бюджетной основе, но, в соответствии с частью 2 статьи 53 Федерального закона № 273-ФЗ, договор об образовании в данном случае должен обязательно заключаться.

Родительская плата за содержание воспитанника, за присмотр и уход за воспитанником, которые предусмотрены в договоре об образовании, не является оплатой образовательных услуг и носит дополнительный по отношению к основной образовательной деятельности характер.

Таким образом, можно сделать вывод, что договор об образовании может быть заключен не только при приеме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица, но и при предоставлении образования за счет средств соответствующего бюджета.

Часть 2 статьи 54 Федерального закона № 273-ФЗ определяет, что в договоре об образовании должны быть указаны основные характеристики образования, в том числе вид, уровень и (или) направленность образовательной программы (часть образовательной программы определенных уровня, вида и (или) направленности), форма обучения, срок освоения образовательной программы (продолжительность обучения).

Как видно, законодатель не указывает, на какой основе может быть получено образование – на платной или бюджетной, – поскольку

⁷⁰ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.10.1999. – № 42. – Ст. 5005. В ред. от 03.11.2015 – СПС «Гарант».

существенными условиями договора об образовании, без которого он не может быть заключен, являются именно основные характеристики образования. Это вполне обоснованно, поскольку цель заключения договора об образовании – это получение образования определённого уровня, соответствующего федеральному государственному образовательному стандарту либо образовательному стандарту, самостоятельно установленному образовательной организацией. Условие же о возмездности договора об образовании не относится к числу существенных.

Здесь следует согласиться с выводом А.И.Рожкова о том, что «предмет обязательств по договору со стороны образовательной организации не зависит от возмездности договора для обучающегося и (или) иного заказчика»⁷¹.

Однако есть разновидности договора об образовании, которые прямо указаны в Федеральном законе № 273-ФЗ и в которых условие об оплате обучения относится к существенным. Так, согласно части 3 статьи 54 Федерального закона № 273-ФЗ, в договоре об образовании, заключаемом при приёме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица (договор об оказании платных образовательных услуг), указываются полная стоимость платных образовательных услуг и порядок их оплаты.

Как видно, в данном случае должен заключаться не договор об образовании, а договор об оказании платных образовательных услуг, что, суть, не одно и то же.

Законодатель даже ввел в части 9 статьи 54 Федерального закона № 273-ФЗ специальное правовое регулирование правил оказания платных образовательных услуг, которые утверждаются только Правительством Российской Федерации.

Таким образом, утверждение А.А.Ворониной о том, что «в статье 54 фактически один и тот же договор называется и договором об образовании, и договором об оказании платных образовательных услуг»⁷², представляется спорным. Но в споре, как говорится, рождается истина.

В Федеральном законе № 273-ФЗ также поименованы ещё несколько договоров, заключение которых в процессе

⁷¹ Рожков А.И. Платные образовательные услуги в школе в условиях реализации нового федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // <<http://xn--273--84d1f.xn--p1ai/publikatsii/platnye-obrazovatelnye-uslugi-v-shkole-v-usloviyah-realizacii-novogo-federalnogo-zakona>>.

⁷² Воронина А.А. К определению понятия договора об образовании // Право и образование. – 2015. – № 10.

образовательной деятельности обязательно.

Так, в части 3 статьи 53 Федерального закона № 273-ФЗ определено, что в случае приёма на целевое обучение в соответствии со статьей 56 настоящего Федерального закона изданию распорядительного акта о приёме лица на обучение в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, предшествует заключение договора о целевом приёме и договора о целевом обучении.

Исходя из буквального толкования положений статьи 56 Закона об образовании, а также Правил заключения и расторжения договора о целевом приёме и договора о целевом обучении, утверждённых Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.11.2013 № 1076⁷³, договор о целевом приёме и договор о целевом обучении не относятся к договорам об образовании, поскольку стороны, заключающие такие договоры, предмет регулирования и существенные условия их заключения совершенно разные.

* * * * *

⁷³ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.08.2013 № 706 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» // Российская газета. – 23.08.2013. – № 187.

Загхмут Т.А. Нерождённый ребёнок: его человеческое достоинство и его права⁷⁴

Рецензия на доклад «О правовых основаниях правового признания ценности жизни, человеческого достоинства и права на жизнь ребёнка, находящегося на пренатальной стадии развития»⁷⁵

Тема, затронутая авторами в рецензируемом издании, безусловно, актуальна, причём актуальна в мировом масштабе на протяжении длительного времени ещё и в будущем. Вопросы охраны и защиты человеческого достоинства ещё нерождённого ребёнка поднимались и поднимаются во всех государствах и на международном уровне, но до настоящего времени в мировом научном сообществе не найдено единого и чёткого ответа.

Различия взглядов и мнений, даже основанных на правовом подходе (не говоря уже о религиозном и социальном подходах), ни в коем случае не должны отражаться на восприятии человеческого достоинства, которым, несомненно, обладает ребёнок на

⁷⁴ **Загхмут Татьяна Анатольевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Публикация представляет собой рецензию на научную монографию *И.В. Понкина, А.А. Понкиной, В.В. Еремяна и М.Н. Кузнецова «О правовых основаниях правового признания ценности жизни, человеческого достоинства и права на жизнь ребёнка, находящегося на пренатальной стадии развития».*

Ключевые слова: ребёнок в утробе матери, человеческое достоинство ребёнка, конституционные права и свободы человека, эмбрион, ребёнок на пренатальной стадии развития.

Zagkhmut T.A. Unborn child: his dignity and his rights.

Review of the scientific monograph of I.V. Ponkin, A.A. Ponkina, V.V. Yeremyan, M.N. Kouznetsov «On legal bases for legal recognition of the value of life, human dignity, and the right to life of a child at the stage of prenatal development».

Keywords: child in the womb, dignity of child, constitutional rights and freedoms, embryo, child on prenatal stage of life.

⁷⁵ *Понкин И.В., Понкина А.А., Еремян В.В., Кузнецов М.Н. О правовых основаниях правового признания ценности жизни, человеческого достоинства и права на жизнь ребёнка, находящегося на пренатальной стадии развития / Ponkin I.V., Ponkina A.A., Yeremyan V.V., Kouznetsov M.N. Sur les fondements juridiques de la reconnaissance juridique de la valeur de la vie et de la dignité humaine et du droit à la vie de l'enfant au stade prénatal du développement / Ponkin I.V., Ponkina A.A., Yeremyan V.V., Kouznetsov M.N. On legal bases for legal recognition of the value of life, human dignity, and the right to life of a child at the stage of prenatal development. – М.: Изд. ред. журнала «ГлавВрач», 2015. – 106 с. (Приложение к журналу «ГлавВрач» № 8/2015).*

пренатальной стадии. Конституции многих государств, к великому сожалению, устанавливают, что право на жизнь возникает у человека с момента его физического рождения, то есть после отделения плода от матери. При этом не учитываются права ребёнка до его появления на свет как самостоятельного индивидуума.

Наукой уже является доказанной нераздельность права на жизнь и права на достоинство личности. Жизнь ребёнка начинается с момента зачатия, во внутриутробном развитии плод совершенствуется физически и в умственном плане. Невозможность самостоятельной защиты своих прав и свобод не означает отсутствия их охраны и защиты со стороны государства.

Таким образом, недопустимо со стороны органов государственной власти и уполномоченных должностных лиц обходить стороной вопросы защиты прав ребёнка на пренатальной стадии развития, что наблюдается в законодательстве и практике большинства стран.

Авторы совершенно справедливо обращают внимание на проблему уважительного отношения к телу ребёнка, умершего в утробе матери или при рождении, а также в случае самопроизвольного или намеренного аборта.

Это одна из тех проблем, которые являются до сих пор неразрешёнными в России: по свидетельствам медицинского персонала, отношение к телу нерождённого ребёнка и ребёнку, появившемуся на свет, абсолютно противоположно. Таким образом, автоматически нарушается право человека на присущее ему с момента зачатия человеческое достоинство. К тому же это противоестественно с моральной точки зрения: человеческое существо имеет право на захоронение вне зависимости от того, на какой стадии развития прекратилась его жизнь. Не вызывает никакого сомнения то, что умерший в утробе матери или в результате аборта ребёнок имеет неотчуждаемое право на захоронение в соответствии с традициями и религиозными воззрениями, принятыми в обществе либо по усмотрению родителей. В противном случае, действия медицинского персонала и иных ответственных лиц необходимо квалифицировать как незаконные и противоречащие нравственным устоям, посягающие на человеческое достоинство и общепризнанные ценности.

Авторы поднимают ещё одну очень важную проблему: отсутствие в российском законодательстве официального толкования терминов «плод» и «эмбрион», что создает массу трудностей в

практическом плане. Анализируя и обобщая обширный зарубежный опыт, авторы стремятся представить полную картину описания правового статуса ребёнка на пренатальной стадии. Это позволяет законодателю «отобрать» лучшее из имеющегося и применить показанные зарубежные достижения в отечественной практике. Отсутствие правовых норм, регулирующих статус ребёнка на всех стадиях развития, влечёт за собой повсеместные нарушения.

Кроме того, авторами исследуются гражданско-правовые и уголовно-правовые нормы защиты и охраны человеческого достоинства ребёнка на пренатальной стадии развития, действующие в зарубежных государствах.

Из рецензируемой монографии становится совершенно очевидным, что отечественное законодательство практически не регулирует общественные отношения, связанные с защитой прав и законных интересов человеческого эмбриона и плода: этот аспект остается за рамками внимания законодателей.

Авторами проделана колоссальная работа по сбору правового и фактического материала на нескольких языках, а опубликование Доклада в рецензируемом издании на английском, русском и французском языках способствует вовлечению в обсуждение данной проблемы учёных из разных стран мира.

Значительная масса использованных правовых источников свидетельствует о глубоком и всестороннем исследовании проблемы, которая, в силу особой специфики, ставится как перед врачами и юристами, так и представителями иных профессиональных сообществ.

Исследования подобного рода существенным образом продвигают современные научные достижения, поскольку выявляют недостатки действующего законодательства и позволяют устранять правовые пробелы. Рецензируемый Доклад подготовлен на самом высоком научном уровне и вполне может служить основой для дальнейшего совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере.

* * * * *

Сведения об авторах

Аристов Евгений Вячеславович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: znakomyi72@mail.ru

Борисевич Александр Николаевич – аспирант, заместитель начальника Учебно-методического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: borisevich-an@ranepa.ru

Загмут Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: f111l@mail.ru

Котова Елена Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова.

E-mail: kotovaelena83@mail.ru

Сербин Дмитрий Сергеевич – помощник судьи Девятого арбитражного апелляционного суда.

E-mail: demon.dukati@mail.ru

Цыбизова Наталья Алексеевна – старший преподаватель кафедры «Гражданско-правовые дисциплины» Сибирского государственного университета путей сообщения.

E-mail: nord3@ngs.ru

Ширяева Светлана Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова.

E-mail: cemantika@gmail.com

**Нравственные
императивы в праве**

**2015
№ 3**

ISSN 2309-1614

Научный юридический журнал (г. Москва)

«Impératifs moraux du Droit»

«Moral imperatives of Law»

«Imperativi morali del Diritto»

«Imperativos morales de Derecho»

«Imperativos morais do Direito»

Подписано в печать **30.09.2015.**

Формат 60x90/16

Гарнитура «Arial». Бумага офсетная № 1.

В оформлении журнала использованы шрифты Arial и Mistral.

Усл. печ. л. 3,12.

Тираж **100** экз. Заказ № 10452.

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»

на оборудовании Konica Minolta

ООО «Ваш полиграфический партнер»

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1-А

Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com